

Д. В. Цалко

КОНЦЕПЦИИ ФЕНОМЕНА ЛИТЕРАТУРЫ

Белорусский государственный университет, г. Минск;

dmitriy.tsalko.ii@gmail.com;

науч. рук. – Д. Л. Башкиров, канд. филол. наук, доц.

В статье рассмотрена концепция феномена литературы, выдвинутая Ю. Н. Тыняновым. Выделены ее основные положения, которые легли в основу последующего «сущностного» вопроса о литературе, что объясняет его актуальность в историко-литературном аспекте. На примере статьи В. Г. Белинского предложен контекстуально-исторический подход к решению данного вопроса.

Ключевые слова: феномен литературы; Ю. Н. Тынянов; вопрос о литературе; контекстуально-исторический подход.

«Что такое литература?» – вопрос, которым Ю. Н. Тынянов начинает статью «Литературный факт». В этой работе, как и в статье «О литературной эволюции», исследователь проблематизирует само понятие «литература», способ его концептуализации, а также рассматривает внутреннюю трансформацию данного понятия.

Тынянов говорит о том, что определение «литературы» может осуществляться посредством двух принципов: статики и динамики.

Статическое (традиционное) понимание «литературы» исходит из ее незыблемости. Здесь «литература» определяется как нечто изначально заданное. Эта неизменная сущность имманентна своему развитию: подобно диковинному цветку в оранжерее, она, проходя отдельные возрастные периоды, беспрепятственно и гармонично развивается. «Ломоносов роди Державина, Державин роди Жуковского, Жуковский роди Пушкина, Пушкин роди Лермонтова» [6, с. 258], – иронизирует Тынянов над представлением о мирной преемственности в литературном процессе.

По существу, при таком подходе «литература», для Тынянова, находится вне времени или, вероятно, просто-напросто ускользает от внимания литературоведа. Другими словами, данный подход элиминирует понятие «литература» из системы диахронии-синхронии.

Этому подходу Тынянов противопоставляет динамическое понимание «литературы».

Литература – это подвижная система, которая определяется через функцию (переменную). В качестве подобной функции выступает отношение

между «фактом литературы» и «бытом». Факт литературы – это то, что в конкретный исторический период называется непосредственно литературой, а быт – это понятие, имеющее внелитературный характер¹⁰.

То, что в одну эпоху было бытом, в другую – становится фактом литературы, и наоборот. Так, в эпоху Державина письма представляли собой внелитературное, бытовое явление, а уже в эпоху Карамзина и Пушкина стали литературным фактом, литературным жанром (например, «Письма русского путешественника» или незаконченный «роман в письмах» Пушкина).

Динамика между литературным фактом и бытом рассматривается Тыняновым как отношение между центром и периферией. С одной стороны, литература как динамическая система стремится выйти за свои пределы, поскольку, оставаясь в заданных рамках, она со временем автоматизируется. С другой – постоянная смена подобных систем, их пульсация в рамках центра и периферии приводит к литературной эволюции. Принцип трансформации литературных систем – это, по выражению Тынянова, «борьба и смена», что, между тем, и является литературной эволюцией.

Именно литературная эволюция, по мнению исследователя, свидетельствует о том, что значение понятия «литература» изменяется от эпохи к эпохе. «И в эволюции, – замечает Тынянов, – мы единственно и сумеем анализировать “определение” литературы. При этом обнаружится, что свойства *литературы*, кажущиеся *основными*, первичными, бесконечно меняются и литературы как таковой не характеризуют. Таковы понятия “эстетического” в смысле “прекрасного”» [6, с. 260–261; *курсив* – автора цитаты].

Таким образом, Тынянов, отвергая статическое определение «литературы», указывает, во-первых, на то, что границы понятия «литература» не только подвижны и не имеют четкой, фиксируемой границы, но также, во-вторых, и на то, что семантический центр этого понятия, автоматизируясь, уходит на периферию, а периферийные явления становятся его центром. Этот процесс, процесс эволюции, не линеен и во многом случаен.

Прежде всего, в вышеназванных работах Тынянова для нас остается важным понимание литературы как *системы*, а также *эволюционный* характер этих систем. С другой стороны, внимание к этим работам объясняется тем фактом, что подобный способ концептуализации данного понятия лег в основу последующих теоретических изысканий, во многом определив последние. В первую очередь это замечание относится к структурализму.

Вместе с тем у вопроса «что такое литература» есть и еще один несомненный аспект, который раскрывается, пользуясь терминологией Тынянова, через внутреннее описание всякой литературной системы. Подобная внутрисистемность артикулируется непосредственно самими участниками того либо иного литературного периода.

¹⁰ О различии понятий «быта» у Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова см: Ханзен-Лёве Оге А. Русский формализм. М., 2001. С. 388.

Приведем пример.

В 1834 г. в нескольких номерах журнала «Телескоп» была напечатана первая большая статья В. Г. Белинского, в которой молодой критик, обозревая современное положение русской литературы, выдвигает знаменитый тезис: «у нас нет литературы»¹¹. Естественно, что данный тезис требовал своего обоснования. В связи с этим Белинский задается уже знакомым для нас вопросом: «Что такое литература?» [1, с. 50].

Для того чтобы ответить на этот вопрос, Белинский приводит два общеупотребительных (традиционных) понимания этого слова¹²:

Одни говорят, что под литературою какого-либо народа должно разуметь весь круг его умственной деятельности, проявившейся в письменности. <...>

Другие под словом «литература» понимают собрание известного числа изящных произведений <...> [1, с. 50–51].

После этого Белинский дает свое определение:

Но есть еще третье мнение, не похожее ни на одно из обоих предыдущих, мнение, вследствие которого литературою называется собрание такого рода художественно-словесных произведений, которые суть плод свободного вдохновения и дружных (хотя и неусловленных) усилий людей, созданных для искусства, дышащих для одного его и уничтожающихся вне его, вполне выражающих и воспроизводящих в своих изящных созданиях дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизнь которого они живут и духом которого дышат, выражающих в своих творческих произведениях его внутреннюю жизнь до сокровеннейших глубин и биений. В истории такой литературы нет и не может быть скачков: напротив, в ней все последовательно, все естественно, нет никаких насильственных или принужденных переломов, происшедших от какого-нибудь чуждого влияния. Такая литература не может в одно и то же время быть и французскою, и немецкою, и английскою, и итальянскою [1, с. 51].

В определении Белинского обращает на себя внимание несколько положений, значимость которых объясняется лишь их единством.

Во-первых, критик намечает границы этого понятия: литературой являются только художественные произведения, связанные между собой определенной внутренней преемственностью. Все они суть «изящные создания».

Во-вторых, в определение вводится историческая перспектива. Литературные произведения должны быть объединены исторической последовательностью, то есть у «литературы» должен быть некий общий закон, определяющий динамику или совокупный ход развития художественных произ-

¹¹ Белинский не первый, кто выступил с подобным высказыванием. Об истории этого высказывания см.: Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е годы). Л., 1984. С. 98.

¹² В. С. Нечаева сравнивает примеры употребления слова «литература», приводимые Белинским, с определениями, которые дает проф. И. И. Давыдов в прочитанной им лекции в 1833 г. См.: Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве» (1829–1836), М., 1954. С. 261.

ведений. Этот закон исключает какие бы то ни было разрывы: между произведениями Ломоносова и Пушкина – прямая связь как исторически, так и эстетически.

Наконец, в-третьих, критик раскрывает содержательную характеристику художественных произведений – они должны быть народными.

Это определение имеет исключаящий принцип: все то, что не соответствует выдвинутому Белинским положениям – находится вне понятия «литература».

Подобная постановка вопроса о литературе выводит полемику 30-х гг. на иной уровень. Кроме этого, положение о народности становится определяющим для дальнейшего развития литературного процесса, поскольку заостряет социальные проблемы, продолжая тем самым уже намеченные к этому времени демократические тенденции. Вопрос о литературе, о задачах писателя превращается, как правило, в предмет ожесточенных споров, приводящих нередко к личным обидам и мировоззренческим конфликтам¹³. Сама же литература по ряду причин¹⁴ становится той отдушиной, благодаря которой писатели и критики получают возможность выражать и формулировать проблемы метафизики, социального устройства и т. д.

Итак, вопрос «что такое литература» имеет сложную, неоднозначную природу. Прежде всего, сложность данного вопроса заключается в его двусмысленности: с одной стороны, литература как таковая является условием филологического знания; с другой же – само это условие редко становится филологическим вопросом. Эта проблема получила свою первоначальную формулировку и способ разрешения в работах литературоведов «формальной школы» (работы Тынянова выделяются наибольшей последовательностью в интересующем нас вопросе). Благодаря этим исследователям понятие «литература» приняло теоретическое (метатекстуальное) осмысление и положило впоследствии начало системному пониманию этой проблемы.

Однако, как было показано выше, помимо теоретического понимания «литературы» существует контекстуально-семантический срез данного определения (статья Белинского послужила лишь ярким примером для прояснения намеченного подхода), в этом отношении «литература» – это исторически изменчивый концепт, зависящий от тех культурно-социальных реалий, в недрах которых он был сформулирован, и требующий от историка литературы отдельного рассмотрения.

¹³ 40-е гг. ознаменованы поначалу дружескими, затем все более ожесточенными спорами между представителями «демократического» литературного крыла и «славянофилами», приведшими в итоге к полному разрыву отношений. Развитие этих отношений можно проследить, например, по дневникам А. И. Герцена. Описание окончательного разрыва см.: Герцен А. И. Сочинения, т. 9. М., 1958. С. 224.

¹⁴ См.: Рейтблат А. И. Русская литература как социальный институт // Писать поперек. М., 2014. С. 11–32.

Библиографические ссылки

1. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 1. М. : Худож. лит., 1979.
2. *Герцен А. И.* Сочинения в девяти томах. Т. 9. М. : Худож. лит., 1958.
3. *Кошелев В. А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е годы). Л. : Наука, 1984.
4. *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве» (1829–1836). М. : Академия наук СССР, 1954.
5. *Рейтблат А. И.* Писать поперек. М. : НЛЮ, 2014.
6. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977.
7. *Ханзен-Лёве Оге А.* Русский формализм. М. : Языки русской культуры, 2001.